

из рая Адам и Ева, Каин убивает брата, воины Ирода безжалостно истребляют младенцев, вырывая их из рук обезумевших от горя матерей, язычники и неправедные цари подвергают изощренным мучениям бесчисленных святых, грешники корчатся в языках адского пламени, сам Христос проходит через страдания и смерть. Вглядываясь в эти изображения, невольно вспоминаешь историю средневековья — беспрестанные войны, голод, костры инквизиции, опустошительные эпидемии, разбойничьи набеги рыцарей. В мятущихся, беспоконных образах чувствуется дыхание жизни. Здесь мы подходим к другой стороне средневекового искусства — к его реальной основе и близости к народному творчеству.

Было бы заблуждением рассматривать скульптуру и живопись средневековых храмов только как воплощение церковных доктрин. Содержание этого искусства гораздо шире. Знакомясь с ним, мы очень скоро обнаруживаем, что, несмотря на преграды, воздвигнутые церковью, в него проникает отражение жизни. Отчасти это объясняется тем, что сама церковь была не только религиозным учреждением. Она не стояла вне мира. Средневековая церковь — крупнейший феодал. Она владеет землями, имеет вассалов и крепостных, епископы ее носят оружие, воюют, участвуют в политической борьбе. Тесно связанная с миром, она не может не поддаться его влиянию.

Кроме того, обращаясь на языке искусства к широкому кругу зрителей, мало искушенных в тонкостях богословской символики, церковь должна была считаться и с их представлениями и вкусами. Чтобы быть действенным, искусство должно быть доступным.